

Deni Vrai

ТРОЕ В ШТАТСКОМ

Книга первая

18+

Deni Vrai

Трое в штатском. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Vrai D.

Трое в штатском. Книга первая / D. Vrai — «ЛитРес: Самиздат», 2005

ISBN 978-5-5321-1710-5

Три подруги решили заняться бизнесом. Подвернулся удачный вариант управления крематорием. Не все из них радостно восприняли именно это направление коммерческой деятельности, но, как говорится — «дареному коню в зубы не смотрят». Не успели три новоиспеченные бизнесвумен взяться за дело, как им доставили первого «клиента»... Следом явились представители правоохранительных органов... и теперь подругам надо не только разобраться в тонкостях бизнеса, а заодно и во всех особенностях криминального мира.

ISBN 978-5-5321-1710-5

© Vrai D., 2005

© ЛитРес: Самиздат, 2005

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Предисловие

На пункт дежурному по городу поступил звонок. Сообщалось, что похищен человек. Информация поступила в главное управление Московского уголовного розыска.

Из формальной, непроверенной информации, какой поступает море, превратилась в требующий немедленных действий сигнал, когда прошел еще один звонок. Звонивший сообщил, что видел, как несколько мужчин тащили тело в подвал подмосковного крематория.

Очень скоро мне пришлось стать прямой участницей невероятных событий. А ведь по началу этот день ни чем не отличался от других.

Глава 1

Чудовищно жаркое лето навалилось на шипящий, мурлыкающий миллионами автомобильных двигателей, грохочущий каблуками, ботинками, чмокающий шлепанцами, с тяжелым душком выхлопного марева город. Открытое настежь окно не помогало совершенно. Из него тянуло то бензином, то гарью, а то вдруг обдавало неясно откуда взявшейся сыростью и тиной. Единственное чего не дарил воздух, это прохлады. Ни капли свежего кислорода за весь день, ни единого полноценного вдоха, ни секунды жизни. И пусть после всего этого технического ужаса кто-нибудь скажет мне, что человечество не склонно к суициду. Склонно, еще как склонно, но оно не просто хочет разорвать связь с этим миром, оно старательно мучает себя напоследок, душит, выкручивает суставы, само над собой смеется и плачет одновременно.

И вот сейчас я, достойная представительница катящегося в ад мира, сижу за рабочим столом, тупо пялюсь на круглые, кофейного цвета часы над дверью, тру сухие как наждак ладони и чувствую, как у меня от жары кожа отклеивается от костей. Я больше не человек. Я загипнотизированный робот. Если бы можно было загипнотизировать робота, то из соответствующей лаборатории выползла бы высушенная, прозрачная сомнамбула Василиса Васильевна Ермолаева, совершенно не способная к потовыделению, в силу чего при любой температуре выше двадцати пяти градусов превращающаяся во всенародно известную и любимую закуску к пиву, типа – вобла.

Секундная стрелка мучила циферблат своей ленью. Походкой, приговоренного к смерти через соковыжималку, она конвульсивно брела по кругу, навевая тоску и уныние. И ведь это она, эта тонкая неповоротливая гадость бросила вызов вечности. Нахалка.

Еще целых десять минут. Настоящая пытка. Если стрелка сейчас остановится, сердце тоже встанет. Одно спасение – не смотреть. Кое-как удалось повернуть пересохшую шею. Взгляд стеклянных глаз упал в угол напротив, обжегся о выгоревшие, полуотслоившиеся обои и сполз на рабочий стол, одиноко покосившийся в углу под много килограммовым сооружением из пыльных папок, старых чертежей, булавок, скрепок и прочей осиротевшей канцелярии.

Совсем недавно отдел понес очередную утрату в лице старенького, желтого человека просидевшего здесь несколько десятилетий. Его выкинули как старую скрепку, на заслуженную позорную пенсию. Он сопротивлялся и даже плакал. Во всяком случае, мне кажется, я его как-то на этом почти поймала. Был бы он помоложе, сил бы хватило сохранить любимую работу, но пенсия как маньяк в подворотне ловит самых слабых и незащищенных. Забавно, я была его начальником (хоть и формально, просто в силу образования), но даже не знаю его полного имени. Только так – Виктор и все. Хороший, добрый, очень мягкий, безотказный человек, всегда готовый прийти на помощь, чем в свое время, я, да и не только я, частенько пользовалась. Он был маленький, цвета желтых, посеревших от времени обоев за его спиной с круглой, смешной головой из которой торчало три седых волоска. Никогда не раздражал, и вообще был незаметным, но всегда готовым прийти на помощь, когда нужно упорхнуть по своим делам или разобраться в сложной ситуации рабочего порядка, тут Виктор всегда тут как тут и на него можно положиться, он не подведет, тут он вдруг твердый как скала. И вот его нет. И что-то до щемящей боли в груди ушло из кабинета, что-то очень важное, уютное, что-то человеческое что ли. Все-таки брежневские времена дали производству и соответствующим отношениям своеобразную атмосферу семейственности в лицах вот таких Викторов. И это очень чувствуется, когда они вдруг исчезают. Вдруг из легкой беззаботной игры работа превратилась в холодное, бездушное ремесло. И что самое отвратительное, эта высушенная коробка кабинета, вдруг превратившаяся в хрупкий деревянный спичечный коробок, мне нравится. Внезапно стало понятно, что помимо выполнения обязанностей, человек должен еще и получать за это выполнение деньги. Если с Виктором мы играли в надувание начальства, а начальство

в свою очередь надувало нас, то сейчас я прихожу сюда только за деньгами. Мир рушится и обваливается в Тартар серо-желтыми осколками. Все давно заволокло пылью человеческого равнодушия.

Стрелки на часах выстроились в прямую линию. Теперь все жестко. Шесть часов, конец работы, начальник сказал зайти в конце, значит ровно в шесть. Вчера мы выполнили частный заказ, и я лично очень рассчитываю, что с вознаграждением не будет заминок. Сегодня пятница, у меня на носу выходные, нет никакого желания встретить их с пустым кошельком. Казенного аванса уже нет, зарплата еще не скоро, а работу мою, во всяком случае, на уровне местного начальства приняли, иначе вызвали бы раньше условленного часа. И если я сейчас не получу хоть какой-то авансик за свою «халтуру», начальник получит достойный скандал. Он меня знает, лучше меня не злить, особенно в жару.

Я встала из-за стола, бумаги уже давно приведены в порядок (старые привычки собираться домой еще в рабочее время неискоренимы, как размер официальной зарплаты), взяла сумочку. Первый шаг осторожный, я жду, что сейчас прах моего изможденного тела осыплется к каблукам. Нет, туловище, как ни странно, осталось на месте. Последний раз смотрюсь в зеркало, прикрепленное к боковой стенке песочного цвета шкафа, поправляю волосы, хочется еще что-то осмотреть, проверить, но на большее нет сил, прозрачный труп в отражении не вызывает эйфории.

– А, Василиса Васильевна, – вечно яркая и звонко суетливая женщина все из тех же раритетно нафталиновых времен когда секретари не соблазняли своих начальников, а были им безоговорочно преданы, через таких прорваться в святая святых можно только со стрельбой и на последнем издыхании. Она профессионал, видит во мне потенциально способного на это врага и как правило, при моем появлении либо встает поливать цветы, либо освобождает руки и разворачивает пухлые от вечного сидения колени, готовясь к прыжку. Я на нее не злюсь, у нее все это давно на рефлексх и безотчетно. Я для нее опасна и она готова к бою. Нет, все-таки забавные они – эти строители коммунизма. Причем в нашем НИИ это можно воспринимать буквально. Ведь я работаю в отделе, где проектировали множество заводов своими стальными конвейерами тащивших страну по дороге величайшего в истории строительства. Строительства коммунизма. Социализм построили, решили немного, что-то, где-то перестроить, перестроить и в 85-м вся вавилонская башня взяла да обвалилась. И опять все говорят на разных языках, друг друга не понимают. Яркий пример тому вот эта размалеванная в стиле Пикасо Надежда Романовна, при взгляде на которую человек легко может потерять то самое, чему положено бы умереть последним. Я ее понимаю плохо, она меня не понимает совершенно. Я для нее враг, дитя смутного времени, каждым своим появлением напоминающее о явлении миру великого хаоса. Единственно, что Надежда Романовна не может взять в толк, это зачем я все еще прикидываюсь инженером, вместо того, чтобы занять, наконец, положенное мне место где-нибудь на «Тверской».

– Здравствуйте, Надежда Романовна, – я не стала по своему обыкновению изображать рабскую покорность, в которую секретарь никогда не верила, а напрямую устремилась к тяжелой, обтянутой дерматином двери. Разруха заглянула уже и сюда, кое-где выскочили облицовочные гвоздики и дерматин топорщился несимметричными одутловатыми подушками. – Михаил Кузьмич у себя? – Я притормозила на пороге, не без удивления воззрившись на не пожелавшего кинуться наперерез секретаря.

– Да, он вас ждет, – ядовито испустила шипение Надежда Романовна, демонстративно отвернувшись к допотопной печатной машинке, давно лишившейся всех эстетических украшений из пластмассы, зияющей своим черным нутром. В устах секретаря фраза «Начальник ждет», в адрес младшей по рангу рабсилы, явный вызов.

Похоже, начальник уже пару раз интересовался, не пришла ли я. Либо это очень хорошо, либо очень плохо. Я привыкла готовиться к худшему, так что не сбрасывая с лица зверской решительности, выдавила:

– Мне назначено на шесть, – и вошла в кабинет.

Михаил Кузьмич сидел за своим необъятным столом, прорубившим подобно комете несколько витков времени. Бог знает, что появилось раньше кабинет или этот стол. Сам же Михаил Кузьмич, нервно выстукивающий на полировке помесь победного марша с усталым стуком дятла, это всего лишь пыль времен, которую легко сдует очередным витком истории. Едва я осветила простор сухого как фанера кабинета своим появлением, начальник вскинул лысую морщинистую голову, счастье растеклось по его, напоминающему по цвету и блеску, продолжение стола лицу.

– Ну что же вы, Василиса Васильевна, он развел руки в стороны и я увидела в толстых, мягких пальцах ровный прямоугольник конверта. – Что же вы? Я же вас жду.

Все в этом, похожем на плохую декорацию фанерном «ящике» под названием «ГИПРО-МЕТ» делается с помпой. Жило все с помпой и в упадок приходит с помпой. Мне кажется, Михаил Кузьмич никогда не умрет и Виктор тоже, они будут сохнуть и трескаться пока не сгорят от случайно брошенной в их сторону спички или не подвергнутся нашествию термитов. Но термитов у нас вроде нет, а вот пожаров в подобных учреждениях боялись всегда, и всегда пожарник был вторым человеком после директора, а может и первым.

– Мы договорились на шесть, – внесла я немного живой речи в формализм спрессованного вокруг воздуха.

– Ну, что ж вы, что ж вы, – Михаил Кузьмич замахал на ближайший стул у конференц-стола. – Присаживайтесь, присаживайтесь... Василиса.

Перед моим именем он всегда заминался, соображая как его можно уменьшительно обласкать, всегда терялся и выдавливал целиком. Когда-нибудь, при соответствующем настроении я не сдержусь и посоветую величать меня просто Вася. Подруги меня именно так и называют, а в институте так просто звали Вася в квадрате, присовокупив подобным образом и отчество. Так что для меня это не было бы дикостью, но для сталагмита напротив, привыкшего ко всяким Наташечкам и Машечкам, это конечно тяжеловато.

– Ну, что же, – Михаил Кузьмич стол серьезен – Проект наш я отправил, думаю это то, что надо. И знаете, в ближайшее время, не хочу, конечно, опережать события, но вобщем, если пойдет, у нас будет иногда возможность подхалтурить. Кстати вот ваш процентик, авансик, так сказать, – он подался вперед, натужно крикнул и некоторое время глупо тыкал в мою сторону конвертом, по всей видимости, наивно предполагая, что я подскачу, как дрессированная болонка за лакомой сарделькой. А ведь, я с ним работаю уже больше десяти лет. И вечно эта упрямая наивность. Нет уж, я женщина, дорогой мой сморщенный атавизм, даже если меня за это когда-нибудь изнасилуют.

Стушевавшись, но, не решаясь оторвать свой начальственный зад от кресла, он толкнул конверт в мою сторону по полировке смежных столов. Увы, я далека от их деревянных стереотипов, конверт сразу лишился своего содержимого. Триста долларов переключались в мой кошелек.

– Не густо, – окончательно обнаглело мое величество.

– Хм, ну, – Михаил Кузьмич растерялся. Никогда ему, как и его секретарю не постичь времена, в которые подчиненные не тупо радуются, а считают и еще позволяют себе быть недовольными.

Наконец изваяв на блестящем в лучах солнца лице отеческое сострадание к ребенку инвалиду, он произнес:

– Ну что же поделаешь, это только авансик. Хорошо еще, что я эти то подработочки нахожу. Я же понимаю, в наше время на одну зарплату, так сказать... к тому же у вас же сынишка.

– А основная сумма когда? – продолжала изгаляться я, мстя за то, что ради формальной выплаты, которую можно было сделать в любой момент этого раскаленного дня, придав мне тем самым жизненных сил, крадут драгоценные минуты личного времени.

– Сразу как рассчитается заказчик, – Михаил Кузьмич окончательно превратился в стол, замкнув непробиваемой броней остатки сгнувшего строя. – Думаю на следующей неделе, может чуть дольше. – Теперь уже он с тоской ждет, когда я вспомню о своем личном времени. Я не стала больше его расстраивать, в голове колоколами била тревога. В семь часов мне надо быть в школе у Данилы.

Кабинет я покинула все же не торопясь, гордо вскинув голову полыхая недовольством. Но стоило оказаться в длинном коридоре отдела, не удержалась и еще раз поковырялась в сумке, пересчитала деньги. Триста долларов. Не плохой подарок к выходным. Душа наполнилась поэзией. Или сейчас взлечу подобно лебедю или грохнусь подбитой курицей. Захлестнувшие эмоции забрали последние силы, и перспектива лебедя уже не шла дальше его последней песни. Даже на лестнице духота брала за горло, воздух отсутствовал в этом здании и в этом городе. Мое обескровленное тело поползло по ступеням. В нос ударило плотно спрессованным табачным дымом. И как они умудряются в такую жару еще и курить? У окна стояло трое мужчин. Я уже привыкла, что в сплошь изрезанном на арендуемые помещения институте бродят посторонние, как на улице, и не обращала никакого внимания.

Однако меня быстро догнал один из них, оказавшись Олегом. Молодой, очкастый программист, быстро и легко предавший родной казенный дом и переметнувшийся в частную фирму, угнездившуюся на том же этаже. В программном обеспечении парень понимал очень хорошо, и его ценили в новой семье. Уже через пол года он стал приезжать на работу в личном авто. Из очкастого, прыщавого лаборанта, превратился в местного мачо. О его любовных похождениях уже ходили легенды. Последнее время я стала замечать, что и на моей спине он прикрепил очередную мишень. Я не отталкивала его резко, временами было даже любопытно наблюдать превращение утки в лебедя. Он привел в порядок кожу, запах, прическу и вот, наконец, венцом обращения стали новые очки, кстати, очень и очень удачно выбранные и по форме и по цвету. Если ему во всем этом никто не помогает, то у парня есть вкус.

– Василисик, Василек, что не весел, зачем голову повесил? – затараторил Олег мне в ухо.

– Привет Олежка, – сегодня я благосклонна, он молодец, умеет почувствовать это сразу. Бабник, одним словом.

– Какие планы на вечер, после совместного ужина?

– Совместного?

– Есть не плохая идея...

– А ты уже освободился? – Я оглянулась, мы приближались к проходной, его товарищей видно не было, значит, молодой Казанова увязался за мной решительно. Что ж, пора использовать запасную карту, пока не сгорела. Сегодня тем более к тому полная необходимость. У сына в школе собрание, будет обсуждаться план путешествия в Европу по культурному обмену, неделя в Париже! Упустить нельзя ни под каким предлогом. Парень так старался, ни одной тройки в году! Мама его точно никогда не была способна на подобные подвиги.

И вот теперь из-за этого сморщенного баклажана – Михаила Кузьмича, я катастрофически опаздываю на собрание, а ведь количество мест ограничено. Ну, старая кочерыжка, если сын не попадет в Париж, сожгу вместе с кабинетом!

– Для тебя, прекрасная Василиса, я всегда свободен, – раскочегаривал талант Олег. – Если серьезно, – его голос стал сахарно мягким, но не глупым, – может сходим куда-нибудь?

Скользнув мимо турникетов, мы вышли на улицу. Я уже было, открыла рот для запланированной атаки, решив попросить подкинуть меня до школы. Конечно, это бы остудило уха-жера, для Казановы нет ничего болезненнее, чем понять, что его просто используют, и в ближайшее время у меня больше не было бы возможности обратиться к этому козырю. Но козыри для того и существуют, чтобы их рано или поздно использовать. Лучше рано, пока пыл не охладел.

Но я так и осталась с открытым ртом. На улице меня поджидали две хищные росوماхи. Проблема решилась сама собой, осталось теперь только спасти сохраненный козырь из двух прожорливых глоток, пока они его между делом не растерзали шутки ради.

Сашка первая оторвалась от своего серебристого БМВ и направилась нам на встречу. Женя, еще покрутила носом, но стоило ей заметить, что я не одна, припустила следом за Сашей, едва не переломав себе каблуки вместе с ногами. Девчонки, как всегда сверкали и лучились на всю улицу, словно только что выскочили из салона красоты. Я поежилась. Первая прохлада за день и сразу ледяным ушатом. Чувствовать себя сушеной воблой намного приятнее в одиночестве.

– Васька, тебя сколько ждать! – завопила Женька, да так, что несколько человек обернулись, а один мужчина даже остановился на противоположном тротуаре. Женька, как всегда, рвалась в первый кадр.

– Девчонки, откуда вы здесь? – спросила я, чувствуя легкое облегчение оттого, что привлекая внимание к себе, Женька кажется не станет нападать на моего кавалера, но... это Женька не станет. Сашка подошла не торопясь, в фокусе ее двух бойниц Олег прочно застрял неподвижной, растерянной и легкой мишенью.

– Вася, похоже, обзавелась кавалером, – мягко произнесла она. – По меньшей мере, это не справедливо.

– Это Олег, – криво улыбнулась я деревянными губами. – Саша, Женя...

– Поцелуй тетям ручки, – томно произнесла Женька, легко включаясь в игру и надвигаясь на парня. Ее рука изящно повисла в воздухе. Олег еще не теряя самообладания чмокнул холеные Женькины пальцы с огромными накладными ногтями. Женька отдернула руку, Олег едва не потерял очки от неожиданности. Женька гениальная актриса. Она уставилась на руку, лицо ее не изменило выражения, но было ясно, что ее сейчас стошнит. Саша чуть приподняла одну ниточку брови. Олег машинально дернулся было и к ее руке, но Сашка его остановила:

– Уж нет, – она коснулась его лацкана. – У меня крем и все такое... впрочем. – Она легко и непринужденно посмотрела Олегу прямо в зрачки. – Как у вас со временем, молодой человек? Может с нами в яхт-клуб? Василиса отказывается ехать одна, у нее у одной кавалера нет и ее это смущает. Проведешь уик-энд где-нибудь на девственном пляжике. Как смотришь, Олег? Расходы все пополам, там не дорого, думаю, в десятку уложишься легко. Только надо быстрее думать, ехать нужно прямо сейчас, а то там какой-то отморозок хочет перебить наш заказ. Пока наши кавалеры подскочут, ты бы как раз с отморозком разобрался. Ну, так что?

– Поехали, – Женька протерла платком руку, который еле отыскала в крохотной сумочке и оскалилась всем своим лошадиным счастьем.

– Девки, – не выдержала я. – У меня время! Мне в семь в школе надо быть. Горю, у меня собрание.

– Семь, – Сашка сразу и как-то очень легко забыла про Олега, кинула взгляд на свои золотые часики и ахнула:

– Что ж ты молчишь, балда. Мы же опаздываем!

Людоедки мгновенно забыли о несчастной, растерянной жертве, схватили меня в охапку и потащили к машине, не удосужившись даже попрощаться. «БМВ» плавно сорвался с места. Свежий, прохладный воздух окутал тело, я едва не расплакалась от счастья. Хлопая ртом, как

свежеспасенный утопающий, я крутила глазами соображая, как нам быстрее добраться и что говорить извиняясь за опоздание.

– Ну, о чем я и говорю, – гневно тараторила Сашка, вертя руль. – До чего уже Васька докатилась. С нищими молокососами крутит! Куда это годится.

– М-да, – кивала Женька. – Разложение налицо.

– Девчонки, умоляю, быстрее, – мой организм постепенно возвращался к жизни, тревога в голове грохотала все громче.

– Что за аврал? – Сашка глянула на меня в зеркало.

– Даньку в Париж могут взять по обмену, сейчас собрание по этому поводу.

– По поводу Даньки?

– По поводу поездки, ну и вообще...

В школу я влетела ракетой. Собрание оказалось в актовом зале, на верхнем этаже, когда я оказалась среди других родителей, сердце уже выскакивало из груди. Особенной торжественности не было, завуч, мужчина лет сорока с аккуратной прической, в элегантном костюме, методично зачитывал правила, поздравлял отмеченных, трудом и терпением вырвавших победу учеников и их родителей. Поездка эта полностью внесена в график бухгалтерии, а проще говоря, бесплатна. Речь о взносах шла, но это уже с целью непредвиденных расходов под всевидящее око и руку сопровождающего преподавателя. Сумму вычислили среднюю, способную эти расходы покрыть и не особенно обременительную. Как ни как школа не коммерческая и родители далеко не все платежеспособны. Но даже и эта сумма не навязывалась бескомпромиссно, а скорее, доходчиво и обстоятельно рекомендовалась.

Все это было для меня уже не важно. Усталость слетела легкой шалью, едва с трибуны водруженной перед сценой слетела фамилия Ермолаев. Я больше не слышала ни фамилий, ни слов, ничего. Сердце замерло, провалилось сначала в живот, потом прыгнуло в горло. По-моему я просто умерла от счастья. Стояла и мертвая смотрела во вмиг опустевший для меня зал. Данька добился своего! Сердце брякнулось обратно в грудь и заныло. Еще секунда и я бы не выдержала, хорошо привели в себя девки принявшись колотить и щипаться своими когтями.

– Васька, ты что заснула, что ли? – Сашка уставилась на меня круглыми от изумления глазами. – Даньку назвали.

– По-моему, помрет сейчас, – свела брови Женька. – Вась, ты чего?

– Васька, тебе плохо, что ли? – Всполошилась Сашка.

– Хорошо, – я улынулась, какие же они у меня дурочки.

– Хорошо ей, – Сашка сжала губы. – Платить надо, взнос на поездку триста долларов, у тебя есть?

– Что? – До меня вдруг долетел смысл звучащего в зале, я сорвалась с места едва не уронив какого-то родителя. – Да-да. Сейчас, конечно!

Я так неадекватно торопливо бросилась избавляться от кровных последних, что многие даже еще сомневавшиеся, засеменили следом. Завучу даже пришлось напоминать о необязательности данной процедуры.

Что-то я еще говорила, что-то подписывала, вдруг упав в реальность не смогла вспомнить ничего. Еду с девчатами в машине, о чем-то разговариваем... бац, я снова соображаю.

– Ну, а ты Вась? – Сашка глянула на меня через зеркало.

– Что?

– Я же говорю, летает, – повернула она голову к Женьке, и вновь обратилась ко мне. – Ты вообще, что-нибудь слышала, о чем мы говорим?

– О чем? – Вдруг я поняла, что мы что-то долго едем до моего дома, глянула за окно...

– А куда это мы?

– Рехнуться, – прошипела Женька.

– Ты себя нормально чувствуешь? – поинтересовалась Сашка с вызовом.

– Девы, дайте сигарету, – примирительно сказала я. – Кажется я только что провалилась в финансовый ад.

– И она еще игнорирует, что я ей говорю, – Сашка зло хмыкнула. Женька протянула мне тонкую сигаретку.

– Вась ты способна слушать вообще сегодня? – Сашка начинала заводиться, я поспешила остудить ее.

– Девчонки, ну извините, задумалась, так что вы говорили?

– Мы говорили, что деньги зарабатывать надо! – вместо того, чтобы успокоиться, взорвалась Сашка.

– Короче говоря, – Женька повернула ко мне голову. – Ты слушаешь?

Я кивнула, довольно выпустив дым в щель приоткрытого окна. Мне было хорошо. Такая какая-то эйфория разлилась, что я готова была слушать, кивать, поддакивать. Даже мысли о финансовом крахе и что я не могу срочно поздравить Даньку временно отступили.

– Сашка предлагает организовать бизнес. Пока мы еще не стали сыпаться на куски от старости.

– Девки, вы гении, – вздохнула я. – Вязать я правда умею не очень здорово, но вот валенки валять...

– Дурака валять ты умеешь здорово, – вновь ахнула огнем Сашка. – С тобой серьезно говорят.

– И я серьезно. Валенки сейчас очень мало кто умеет делать, а товар в нашей северной стране ходовой.

– Так, слушай меня, – густым металлом отчеканила Сашка. – Я Матвея изгрызла, я его к этому решению пол года тащила...

Мне вдруг представилось, как грузного великана Матвея тащит хрупкая Сашка, а он хнычет и отбивается. Улыбка сама вылезла на лицо, о чем я тут же пожалела.

– Я не могу с ней говорить, – окончательно взбесилась Сашка. – Ржет сидит.

Женька села боком, повернулась ко мне.

– Вась, что ты, правда, сегодня! Может ты влюбилась?

– Девочки, да не злитесь, – мне вдруг стало безумно жалко двух этих неисправимых романтиков. – Но я никогда не занималась бизнесом. И при чем здесь в нашем бизнесе, твой Матвей?

– Среди нас предатель, – после некоторого молчания изрекла Сашка. – Она уже говорит словами Матвея.

– Что ж, – я пожала плечами, выкинула сигарету, мысленно, не в первый раз отдав должное Матвею. – Он правильно говорит. Если хотим завести свое дело, то самим и надо заводить...

– А еще он говорит, – резко перебила Сашка, – что настоящий делец не принимает к деньгам и всегда берет, когда и где берется. Так что нам мешает взять у него на раскрутку? Ну, давай, поспорь теперь с ним.

– Не буду. Дает, надо брать, но потом отдать. – Сказала и осеклась. Все-таки у Сашки есть деловая хватка. Хитро она выудила из меня согласие.

– С этим никто и не спорит, – Сашка упивалась победой. – Вернуть мы ему вернем, тем более, что он купил только здание и оборудование, причем очень дешево, сумел улучшить момент. Наше дело реклама и оборот.

– Оборот чего?

– Покойников, разумеется.

– Ой, Саш, я же просила, – Женька поежилась и отвернулась к окну. В салоне пару минут не было слышно ни единого звука. Умеют все же в Германии делать машины, ну ровным сче-

том ни единого звука, если конечно не предположить, что у меня слуховые галлюцинации. И почему-то именно это мне и хотелось предположить.

– Оборот, – по слогам повторила я, – че-го?!

– Трупов оборот, – с тоской выдохнула Сашка и вновь замолчала.

– Девчонки, шутки шутками, но мне домой надо, – я крутила головой. Машина тем временем миновала пост ГАИ, окружную дорогу и набрав скорость, полетела в загородную неизвестность.

– Девки, куда мы едем? – я начала беспокоиться. Им хорошо, у одной муж дома с сыном, у другой дочь уехала отдыхать, свободны как вороны, а мне надо домой ужин готовить.

– Мы едем к новому месту работы, – простенько и со вкусом объяснила Сашка.

– Какой работы? – Похоже я слишком расслабилась, а в их руках это не позволительная роскошь. – Мне домой надо, у меня сын дома один.

– С сыном все нормально, его Матвей взял в комплекс отдыха, они все равно с Костиком собирались, ну и твоего прихватили.

– А почему мне никто не сказал? – Я негодовала, как никогда.

– Не первый день знакомы, – деловито шипела Сашка. – Заранее с тобой о чем-то договариваться бесполезно. Тебя надо перед фактом ставить, тогда от тебя и толк будет и полная самоотдача.

– Спасибо за комплимент. – Ярость клокотала у меня в груди. – Дайте сигарету, мерзавки.

– Ну вот, – Сашка посмотрела на Женьку, кивнула в мою сторону. – По-твоему мы смогли бы запихать ее в машину? Да еще если бы все обговорили и она знала куда едет.

– Ну, Саш, – качнула головой Женька. – Все равно так тоже плохо. Теперь она будет злая, как фурия. – Она подала мне сигарету.

– А иначе ее вообще бы не было!

– Простите что перебиваю, – плохо контролируя голос прошипела я. – Но остановите машину немедленно и катитесь дальше к черту одни.

– Прямо как будто знает куда едем, – удивленно покачала головой Сашка.

– Ужас, – опять поежилась Женька. – Мне что-то неуютно. Вы хоть слова выбирайте, дурочки.

– Я говорю, остановите машину. – Устало повторила я, понимая, что и сопротивляться-то глупо и бешенство это мне ни к чему. Не конструктивное это чувство. – Я хочу вам сказать, – добавила я уже без особых эмоций, – это похищение человека. Вас посадят, я вам передачи таскать не буду. Я буду требовать самого строгого наказания.

– Ну, что же, – улыбнулась Сашка. – А мы и так уже приехали. Она обернулась и растеклась в такой широкой и искренней улыбке, что я вмиг оттаяла. Мы вышли на раскаленную дневным жаром улицу...

Глава 2

На несколько долгих минут, я забыла о зажатой губами сигарете. Так и не сделав ни одной затяжки, вынула ее изо рта и уронила к ногам. Мозг отказывался верить в происходящее. Я стояла в широком поле старой, заброшенной свалки, плавно переходящей в не менее широкое кладбище. На тонкой границе двух этих противоположных по смыслу, но идентичных по сути миров, торчали серыми бородавками редкие постройки. Напротив одного такого строения, сейчас и оказалась я, и надо признаться при всем своем опыте общения с этими двумя авантюристками, сегодняшнее событие было из ряда вон. И по-моему я сейчас просто-напросто начну их колотить, вне зависимости от того, что они придумали и какого черта мы вообще тут делаем. Я вновь начала закипать. Видимо это было заметно, потому что девчонки хором набросились на меня.

– Вась, помогай, – заявила Сашка, кивая на машину.

– Я все не возьму, – вторила ей Женька, копаясь у раскрытого багажника.

У меня вдруг не стало сил, ни малейшего желания говорить. К тому же катящееся к закату солнце все еще умудрялось жечь мое обугленное за день тело нещадно. Мое бешенство клокотало теперь где-то глубоко подстать обманчиво дремлющим вулканам. Девчонки меньше бы удивились, начни я плевать ядом, выстреливая в их сторону раздвоившимся языком, но моя вялая покорность явно выбила их из колеи. Сашка замерла с открытым ртом, когда я молча направилась к багажнику на помощь Женьке. Та в свою очередь уже успела закрыть крышку, дефилируя в мою сторону с двумя пакетами. Помощь ей особенно не требовалась и она вдруг уличенная во лжи, замерла, глядя на меня своим прозрачно-тупым взором, открыла рот и устремила молящий о помощи взгляд на Сашку. Та сориентировалась быстро.

– А, все взяли, ну я же говорила там не много, я много не стала брать, мы же тут не на всю ночь...

Женька глупо хихикнула.

– Всю ночь, – теперь с мольбой она смотрела на нас обеих, кидая зрачками как кошка на пинг-понге, еще бы секунда и они разъехались бы у нее в разные стороны. Это могло бы дать ей неповторимый шарм.

– Девчонки, пол часика и по домам, – пискнула она. – ну или куда-нибудь, может сходим... да?

– Конечно, – вновь схватилась за новую тему для отвлекающей болтовни Сашка, сама схватила у Женьки один пакет и устремилась к железной двери двух этажного, похожего на огромный кубик, бетонного дома. Женька припустила за ней, не забывая кидать в мою сторону цепкие и довольные от того, что и я бреду по их стопам, взгляды. У двери Сашка завопилась с пакетами и ключами, я решительно выдернула у нее пакет. Дверь открылась, я кинула последний, тоскливый взгляд в сторону пыльного, пытящего, удушенного раскаленным маревом города и шагнула в темноту.

Скрипнул рубильник, Сашка хлопнула входной дверью. Лестничный марш вел вниз, откуда приятно веяло вечной сырой прохладой подвальных помещений и вверх. Дверь на нашем уровне украшала табличка с лаконичной надписью: «Зал прощания». Женька поежилась и не дожидаясь приглашения устремилась вверх по лестнице. Мы с Сашкой пошли следом.

– Я жду объяснений, – вырвалось у меня само собой.

– Сейчас сядем и спокойно поговорим, – Сашка прибавила шаг, ясно что она оттягивает момент объяснения. Что ж, я готова была подождать, но сами знают, что чем дальше будут тянуть, тем им будет хуже. Еще несколько минут и мой внутренний вулкан начнет делать первые выбросы.

Верхний этаж предстал перед нами узким, длинным коридором с несколькими дверями по обе стороны, в одну из которых и вплыла наша пестрая, цокающая каблуками процессия. Просторный кабинет с широким окном, производил вполне цивильное впечатление. Портили его только отслоившиеся обои, неуклюже крашенная тумбочка в углу и тяжелый несгораемый шкаф. В остальном все терпимо. Тот, кто здесь раньше работал, явно не ленился в борьбе с безвкусицей и разгильдяйством, царящими в любом бюджетном предприятии.

Но целиком истребить хаос централизованного снабжения не возможно. Уж это-то мне известно как никому.

Сашка выхватила у нас пакеты и принялась выкладывать их содержимое на стол.

– Я взяла тебе Мальборо, пару пачек, – кинула она в мою сторону. Что ж, выиграла еще пару минут. Нормально покурить я не могу уже пару часов... да нет, побольше. Еще на работе кончились сигареты и с тех пор... наконец я смогла сделать глубокую затяжку. Даже дрожь прошла по телу от удовольствия. Я покрутила головой в поисках пепельницы. Тяжелый, зеленый круг стоял на столе и я плюхнулась на хозяйское кресло, стала с терпеливым ожиданием наблюдать за суетой девчонок. Погрузившись в эйфорию никотиновой зависимости, забыла стряхнуть с лица старое выражение брезгливой ненависти, результат не заставил себя ждать. Две разукрашенные авантюристки суетились все быстрее и вскоре стол был походно сервирован, обе уселись и схватили уже наполненные пластмассовые бокальчики, уставившись на меня. Возникшая тишина и повышенное внимание к собственной персоне, вернули меня к реальности. Только сейчас я вспомнила, что смотрю на них с нескрываемым бешенством. Хотела исправить положение, но секунду подумав, с тем же выражением раздавила окурки в пепельнице и взяла свой бокал. Алая жидкость качнулась в пластиковых гранях.

– Девочки... – с подъемом начала было Женька, но Сашка, преследующая в это мгновение единственную цель – скорее напоить меня, весело перебила:

– Ну, давайте! – Она широко улыбнулась. – Первую до дна.

Что ж, выпили.

– Между первой и второй, – вновь засуетилась хитрая лиса, но меня не собьешь.

– Я жду, – сколько можно жестче отчеканила я.

– Давайте еще по глоточку, – Сашка наполнила бокалы.

– Давайте, давайте, – Женька сделала глоточек, после которого в емкости почти ничего не осталось и виновато растерянно уставилась в сторону прозрачного дна, видимо решая на сколько важно в этот момент придерживаться Сашкиных постулатов. Решилась таки помочить губы, но не допить. Я же демонстративно не смотрела на свой бокал.

– Какое вино хорошее, – Женька развела руками.

Уже около минуты у нас с Сашкой шла молчаливая дуэль взглядов. В конце концов она не удержалась и улыбнулась.

– А что такого, – вскинула она брови. – Бизнес как бизнес, ничем не хуже любого другого.

– Ты решила заняться бизнесом? – Я смотрела на нее пристально.

– Мы решили заняться...

– Вы решили. – Я кивнула.

– Мы все решили, – Сашка обвела пальцем комнату, из чего надо было сделать вывод, что решили все, кто в ней находится. Жест был таким широким, невольно возникло желание осмотреться повнимательнее и найти припрятанную в тумбочке и сейфе толпу участников соглашения.

– Мы решили? – Еще не совсем понимая, переиграла я. До этого момента меня бесила только бесцеремонность приглашения на этот сабантуй, но похоже сюрпризы на сегодня еще не кончились.

– Ой, Васька, ну дотошная ты! – Взвилась Женька, она вскочила и принялась кружить по кабинету. Есть у нее такая черта, пьянеть от самого факта пьянки. Она уже, со всем свой-

ственным ей талантом, погрузилась в предписанный образ и щебетала, закатив глаза: – Сашкин Матвей согласился купить ей бизнес, но с испытательным сроком. Это и есть испытание, – она развела руки, показывая какое не сильно ободрание испытание досталось.

– Зачем тебе это? – Уже совершенно искренне не поняла я. Особого рвения заниматься своим «делом» я за Сашкой никогда не замечала. Больше того, она больше чем кто-либо из нас всегда была настроена найти себе удачную партию и стать домохозяйкой. И ни разу за всю жизнь она не изменила своим принципам. Вышла замуж, бросила журналистику, растила сына. Разговоры о своем бизнесе, конечно, иногда случались, но это все как-то так, в общем плане, без нарушения центральной жизненной позиции. Заикнется, муж ей скажет – «спать ложись», и все. Дань производственному рвению отдана. Что ж, похоже, и эта дань, с годами утомила Матвея, и вот результат.

– Не мне, – голос Сашки стал жестче. – Это дело для нас троих. Наше и только наше.

– Ты серьезно?

– Прекращай, Вась, возьми салатик.

– Васька, какая ты все-таки, – к столу припорхала Женька. – Девчонки, давайте выпьем!

– И в чем заключается бизнес? – Спросила я, доставая сигарету. Лучше бы не спрашивала. Иногда лучше не знать даже то, о чем догадываешься.

– Крематорий, – Сашка куснула кусочек тонюсенького хлеба с икоркой, отломил кусочек рыбки. Женька, тянувшаяся к кусочку колбаски, передумала и схватила бутылку.

– Ты хочешь сказать, – произнесла я, методично складывая в голове мозаику виденного и наконец услышанного: – Здесь?

– Ну, конечно, – Сашка взяла наполненный бокал, сделала маленький глоток. – Именно здесь, и именно крематорий. Мы будем сжигать трупы.

Женька жадно вливая в себя вино не успела сделать последний глоток. Тело ее дернулось, на миг она замерла и вдруг разразилась бешеным кашлем. Сашка подошла к ней и принялась колотить по спине. Борьба с кашлем длилась не меньше минуты, когда же победила красота, Женька была уже совсем пьяная. Она глупо улыбнулась, пожала плечами и икнула.

От сознания собственного бессилия что-либо сделать и даже в полной мере понять в этой ситуации, я решила просто поесть. Тем более что голод уже не заглушался даже курением. Салатик, так салатик, решила я. В конце концов, одна дурость другой не лучше. Да, в этот раз девки замахнулись широко. Но еще глупее их за это осуждать.

– И как вы... – я помолчала. – Хорошо, как мы будем управляться с делом? Надеюсь, вы понимаете, что у меня работа. Кстати у Женечки тоже. У меня хоть выходные есть, а у нее с этими репетициями вообще ничего не поймешь.

– Это я уже думала, – Сашка встала у стола, цепляя маленькие кусочки явно в ресторане закупленной провизии. – Ты берешь на себя выходные, а мы с Женькой сжигаем покойников по будням.

– Сашка! – На Женьку уже жалко было смотреть. Она убрала в сторону опустевшую бутылку и взялась за штопор.

– Забавно. – Я вытерла пальцы о салфетку. – Женька жжет покойников. Интересно глянуть, что с ней будет, если она их просто увидит.

– Когда нужно для дела, – Женька принялась вертеть штопор, погружая винт в пробку. – На Евгению Николаевну можно положиться.

– Почему ты думаешь, что мы своими руками должны кого-то пихать в печку, – Сашка кашлянула и промокнула губы салфеткой. – Для этого существует персонал. Собственно говоря, – она посмотрела на часы, – сегодня мы здесь именно по этому поводу. У нас назначена встреча.

– С кем? – я немного встревожилась. Надо быть на чеку, как бы эти обалдевшие от скуки курицы не зашли слишком далеко.

– Я не совсем поняла, – пожала плечами Сашка. – Поставила здесь автоответчик, как-то прихожу, звонок был. Какой-то не русский, я ему перезвонила, назначила на сегодня. Минут через двадцать уже подойдет.

– И сколько уже у тебя эта адская печь в собственности? – поразилась я.

– Чуть больше недели, – Сашка усмехнулась. – Не знала, как тебе сказать. Ты любую инициативу способна уничтожить. Вот и выбрала момент, когда пора дела делать, а не просто радоваться.

– У-у, – я понимающе кивнула. – Жаль, что вы меня лишили радости. В нашем новом бизнесе с этим будет напряженно.

– Ну, прекращай, – взмолилась Сашка. – В конце концов, ругать это самое простое.

– Особенно когда к этому созданы все условия.

Женька, наконец, победила пробку, и вино вновь наполнило бокалы.

– Девочки, – сказала она. – А у меня опять роль ушла. – И она скучила такую гримасу, что на душе невольно заскребли кошки.

Когда-то мы все поступали в театральный, но преданной этой профессии осталась только Женька. Мы с Сашкой подавали документы параллельно в другие вузы, в которые в результате и поступили, но Женька, самая худая, неказистая из нас, рвалась в лицедейство. В институт театрального искусства она поступила, закончила, и вот уже много лет работает в театре. Именно работает. Мечта превратилась в работу и лишь иногда, словно через какую-то дыру во времени, вырывается голосок все той, далекой, длинноногой и длиннорукой несобранной, но самой романтической из нас, Женьки. И тогда на душе у каждой открывается по какой-нибудь давно забытой, но так и не излеченной старинной болячке. В такую секунду хочется ее убить, но мы, как обычно, просто начинаем хныкать друг дружке в блузки. И эти сопливые курицы затерявшиеся на стыке эпох собрались заниматься бизнесом. А может это и верно. Шикарный финал, апофеоз развития дочек эпохи перемен. Стикс, лодка и каждой по веслу, а я, пожалуй, сяду на руль. И прямо в вечность, от берега до берега и обратно. Мы сжигаем трупы, это шикарный финал!

– Что за роль? – Сашка погладила Женьку по плечу.

– В сериале. Мне ее обещали, уже все было договорено, а эта мочалка, соплячка...

– Ну, ну, ну, – Сашка наклонила к себе ее голову. Началось. И так всегда.

– Хозяева! – Донесся растерянный голос в коридоре. – Есть кто живой?!

– Постояльцы его не интересуют, – мрачно заметила я, наблюдая, как встрепенулись бизнес-леди. – Он ищет живых. Наверное, сейчас предложит мертвых. Или потребует. Зависит от того, с какого он берега.

Шутку мою не оценили. Срочно надо было привести себя в порядок. Девки суетились бестолково, не зная с чего начать. На столе беспорядок, настроение не деловое. Командование тонущим кораблем пришлось брать на себя.

– Позовите его, – скомандовала я. – Он же не знает где мы. Заблудится, потом ищи его.

Женька метнулась к двери. Сашка ткнула в меня длинным пальцем.

– Ты с ним говоришь.

– Я? – Настал мой черед растеряться. – О чем?

– Понятия не имею, но сейчас выходные, твое дежурство.

– Бред, – я устала удивляться. – Ну, хорошо. Хотя и слабо себе представляю, что из этого выйдет. Мне что, надо купить покойников по-дешевле?

– Выясни, что ему нужно. Я по телефону ничего не поняла.

– Прекрасно. – Мне осталось только развести руками. – Зовите.

Женька выглянула в коридор. Она напятила на себя официальность, как новый реквизит к очередному действию. Сашка торопливо поправила, что успела на столе. В кабинет, озираясь, вплыл невысокий мужичок, каких на любом рынке водится в невероятном количестве. Восточ-

ный мужичок заставил меня всерьез беспокоиться, не окажутся ли мои шутки на рыночную тему былью и не предложат мне сейчас выгодный опт мертвечины.

Женька усадила гостя и приняла деловую стойку по левую руку от меня. Сашка уселась по правую. Мужик был явно растерян, и думаю, не ошибусь, если предположу, что новый персонал не очень соответствует заведению. Что ж, пора было его оживить.

– Я вас слушаю, – вкрадчиво произнесла я, с ужасом представляя, что буду делать, когда он зарыдает, вспоминая, каким хорошим был человеком усопший.

Но он не зарыдал, он внимательно осмотрел каждую из нас, сделал таинственный жест рукой, подался вперед и выдал:

– Я слушаю здесь был, другой хозяин, да.

– Вы были здесь хозяином? – Я с готовностью напрягла способности переводить на русский рыночную тарабарщину. Благо опыт есть.

– Нэт, слушай. Я здесь был другой хозяин, да. Я с ним договаривался.

– Вы договаривались с прежним хозяином?

– Да.

– Хорошо. О чем вы договаривались и что вам нужно от нас?

– Мнэ, слушай, что мнэ надо. Мнэ мой надо, да?

– Простите... – Я глянула на Сашку, но та лишь сидела с серьезной миной.

Помощи у Женьки искать бессмысленно. Стараясь, как можно корректнее, я поинтересовалась:

– Вы хотите забрать... – последнее слово выдавить долго не получалось, но я напряглась: – Тело?

– Забрать, то что оставил. Слушай, врэмя, да? Портится.

– Конечно. – Я пожевала губы. Сашка молчит, Женька, слава Богу, еще стоит, даже смотреть на нее не стала, чтобы не сглазить. – Когда вы его сдали?

– Слушай, – мужик развел руками. – Я нэ сдал, я на врэмя оставил. Слушай, я нэ идиот. Мнэ мое надо.

– Поймите и вы нас, – я придала голосу жесткости, хотя, честно признаться совершенно не была уверена, что меня хватит надолго. И уж точно я ему ничего не буду отдавать. Пусть эти курицы сами своих покойников сортируют. А вообще странно. Они что, купили вместе со зданием... нет, уж лучше и не думать.

– Есть процедура, – продолжила я официализировать, пока мозги мои кипели от абсурда происходящего. – Все должно быть оформлено...

– Зачем, слушай! – Похоже, и собеседник начал возмущаться, ну уж этой радости я ему не доставлю. Не хватало чтобы носитель абсурдной ахинеи начал повышать на меня голос.

– Прекратите истерику! – открыла я предупредительный огонь. – Вместе с заведением нам не было передано никаких обязательств. Радуйтесь, что с вами вообще разговаривают...

– Слушай, как вообще, да? Я свое хочу. Он, слушай, портится. Куда его девать потом, да?

– Возьмите себя в руки, – уже совсем спокойно произнесла я. – Вы оформляли какие-нибудь документы?

– Слушай, какой докумэнты! Я на врэмя оставил, потом никого, дверь закрыт, тэлэфон нэкто нэ ответил. Слушай, месьяц прошел. Портится!

– Месьяц? – По спине пробежал неприятный морозец.

– Здесь даже свет был отключен, – прошептала Сашка и только теперь я поняла, что она не пытается создать деловую мину, она где-то на грани обморока и за сознание цепляется из последних сил. Стол закрипел. Ну, конечно, Женька потеряла равновесие, но в целом молодец, держится.

– Ну, что же. – Не знаю, какого усилия мне стоило остаться на плаву, но голос мой все еще звучал ровно. Хотя воображение и разыгралось, что скрывать. Не знаю, чем тут промыш-

ляли предшественники, но если тело не было оформлено, то совершенно запросто его могли и забыть. И что теперь там с ним, спустя месяц жары без электричества стало... ох, многовато для первого дня работы.

– Что ж. – Я вновь помолчала. – Думаю ситуация давно вышла из под контроля. И все же, почему не оформили с прежней администрацией документы?

– Слушай, зачем документ. Зачем оформил? Я положил, забрал, я на рынке работаю. Сам думай, жара, портится. Я же не могу все сразу продать, да?

– Продать? Что продать? Шашлык что ли из него... – И тут меня осенило... что совпало с грохотом рухнувшего тела. Бог свидетель, Женька держалась долго, но всею есть предел.

По коридору мы летели едва ли не в припрыжку. Круглый азербайджанец возглавлял процессию. Женька по началу отказывалась идти с нами, но альтернатива остаться одной в кабинете вдохновляла еще меньше. Итак, впереди бодрый и даже смеющийся Михман, то есть Миша, следом я, дальше, поддерживая друг дружку белая как простыня Сашка и мутно зеленоватого оттенка Женька. Миша не может унять своего веселья, даже мысль об испорченном товаре не способна омрачить его порозовевшей души. Его разрывает счастье от мысли, что он едва не загнал в могилу трех тупых куриц, решивших, что он торгует на рынке телами своих родственников.

– А я, слушай, – тарыхтит Миша, пока мы спускаемся в подвал. – Какой документ. Я, слушай, думаю мэлыция, что ли. Красивый такой дэвушка и мэлыция. Думаю, съел мой товар, а сам мэнэ мозг морочает, да? Вах, слушай, думал, все, сейчас взятка, да, орэстуют Михмана.

Подвал оказался спланирован иначе, чем второй этаж. Здесь пространство было поделено смежными помещениями. Столярный цех, склад, подсобки и наконец холодильная. Зрелище, конечно выдающееся. Запах того, что мы искали давно пропитал весь цоколь. Миша сам открыл нужную дверцу, глянул на печальное зрелище. Выдал свое трагическое:

– Вах, – и с тоской уставился на нас. Но здесь ему было не найти поддержки. Бананы, которыми он когда-то наполнил холодильники, почерневшие и растекшиеся по всему полу, выглядели едва ли намного лучше трех пожелтевших от впечатлений подруг. Миша быстро сориентировался в ситуации, превратившись в маленького, круглого, но очень веселого джентльмена. Он вновь отвел нас наверх и томительно долго повествовал о сложностях своей жизни. Он поделился своими знаниями и о выбранном нами бизнесе, не упустив такой важной статьи дохода, как аренда ему холодильника, тем более его основной склад находится тут в двух шагах. На мое замечание, что можно заняться и курами-гриль, он задумался. Спустя пару часов, когда стол опустел, и небо стало окончательно черным, Миша заторопился. Звал к себе в гости, предлагал дружбу и даже любовь, но был выдержан и в меру корректен. И все же, спасибо ему, он умудрился немного растормошить нас. Но пора было и нам собираться в сторону дома. Тем более, что оставаться в этом чудном месте одним, не улыбалось никому. Миша радостно принял предложение подбросить его до склада, и мы все, наскоро покидав мусор со стола в пакет, направились к выходу. Кто бы знал, что эта ночь окажется длиннее самой длинной полярной. Уже у самого выхода на улицу нас ждал сюрприз. На вид в этом сюрпризе было не меньше ста пятидесяти килограммов. Сюрприз-гора ждал нас, заложив свои огромные клешни за спину. От неожиданности вся наша процессия замерла в гордом молчании. Человек-гора вынужден был нарушить тишину своими силами.

– Ну, это, – подобно камнепаду в глухом ущелье, ахнул на нас «гора», – короче, – и он выглянул в дверь, остатки обвала тяжелых слов высыпались в черноту ночи: – давай пацаны, заноси. – Он посторонился, так, что нам пришлось вернуться на несколько ступеней вверх. Сквозь поручни лестницы было видно, как две тени скользнули вниз. Опять подвал! Они не без труда волокли на плечах что-то продолговатое, и почему-то не хотелось думать о том, что именно они тащили.

Великан вновь повернулся к нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.